

ГАСТРОЛИ ТЕАТРА им. МОССОВЕТА

Мой долг,
мое призвание

В Ереване начинаются гастроли театра имени Моссовета. Наш корреспондент встретился с одним из ведущих актеров театра — народным артистом СССР Ростиславом Пляттом, взял это интервью.

— Удача неизменно сопутствовала Вам и в театре, и в кино, популярность Ваша у зрителя широко известна. А были ли в Вашей творческой биографии случаи, когда созданный сценический образ не принимался зрителем?

— Были случаи, когда созданный сценический образ, в первую очередь, не принимался мною самим. В тридцатые годы, в самом начале сценической карьеры, мне пришлось трижды пережить явный провал. Причем в каждом случае причина была одна и та же — увлечение молодых (а я был тогда молод), формотворчеством. Помнится, в Ростовском драматическом театре я получил предложение сыграть Скалозуба в «Горе от ума». Для пущей внушительности меня одели в ватоны, сверх которых натянули костюм. Но, кроме внешней представительности, напыженности сверх всякой меры, ничего от подлинного Скалозуба в созданном мною образе не было. Та же история повторилась позже, когда привелось сыграть Болинброна в «Стакане воды».

К счастью, мои явные промахи остались незамеченными широкой публикой. Что же касается прессы, то... роли эти были отмечены в периодике, как успешные.

— Какие из сыгранных ролей Вам наиболее памятные?

— Прежде всего, это роль революционера Раевича в пьесе «Шторм» — пьесе, вошедшей в золотой фонд нашего театра. Другая роль, которой, на мой взгляд, так же уготована счастливая судьба — роль генерала Фицпатресса в пьесе Питера Устинова «На полпути к вершине», постановка которой осуществлена в театре два года назад.

— Есть ли у Вас устоявшиеся симпатии в отношении кого-либо из драматургов?

— Большой радостью было работать с таким одаренным драматургом, как Константин Симонов. На всю жизнь запомнилась мне роль Арнадия Бурмина в его пьесе «Парень из нашего города» на сцене театра имени Ленинского комсомола. Позже мне довелось играть роль Васина в «Русских людях» Симонова. И хоть на этом, пожалуй, и завершилось творческое сотрудничество с Константином Михайловичем, с особой теплотой думаю о нашей с ним дружбе.

— В последние годы в среде не только маститых, но и молодых актеров появилось увлечение режиссурой. Как Вы оцениваете это явление?

— Не боюсь показаться банальным, утверждая, что всякая профессия требует призвания, прирожденного

таланта. Ведь нельзя же, к примеру, стать писателем или поэтом лишь возжелав этого. И если актер, не отличающийся, к тому же, особым дарованием, пытается экспериментировать на режиссерском поприще — результатом будет умноженное число серых спектаклей. Да и браться за многотрудную режиссерскую работу актер имеет право лишь когда почувствует к ней властный внутренних зов, а не следуя модному поветрию.

Примером удачного дебюта в режиссуре может служить Никита Михалков. Одна из его последних работ — «Неоконченная пьеса для механического пианино», убеждает в том, что Михалков, как режиссер, несомненно, состоялся.

— Расскажите, пожалуйста, о своей работе в кино.

— Принято считать, что кинематографический счет Плятта начался с «Подкидыша». Между тем, я впервые снялся в кино в эпизодической роли военспеца Иванова в фильме «Ленин в 18-ом году». И лишь потом появился геолог-холостяк в «Подкидыше». Затем были извочки Янек из «Мечты» Михаила Ромма, нахальный прохвост Бубенцов из «Весны» и бюрократ Петухов из «Жениха с того света», профессор Данкевич — «Иду на грозу», пастер Шлагг из «Семнадцати мгновений весны», ревматический обыватель из «Деловых людей» и пособник шпионов Казин из «Судьбы резидента». Запомнился фильм «Убийство на улице Данте». Я играл в нем симпатичного и, главное, порядочного человека — импрессарио Грина, что доставило мне особое удовлетворение — ведь до этого приходилось много играть жуликов, проходивцев.

Запечатлелась и работа над ролью Данкевича — небольшой, но очень интересной для меня. Во время просмотра проб я увидел свои глаза на экране — будто кусочки стекла попали мне под веки и посверкивают. Решил, что нашел нужный штришок. Но чрезмерно открытый лоб, шевелюра святого производили впечатление излишней отрешенности. Пришлось снизить возвышенную тональность — через говор, жесты.

— Ростислав Янович, как Вы сами относитесь к собственной популярности?

— Если в молодые годы мне льстило постоянное внимание многочисленных поклонников, то в последнее время это внимание несколько тяготит. Я получаю огромное количество писем, среди авторов которых много настоящих ценителей искусства. Не без удовольствия читаю например, отклики зрителей на тот или иной фильм, содержащие массу тонких наблюдений, разумных советов. Но, к сожалению, должен констатировать, что известная часть корреспонденции носит подчас откровенно тривиальный характер. Такие письма не только отнимают время, но могут иной раз и просто испортить настроение. Не обходится и без довольно ко-

мических ситуаций. После того, как на телеэкранах прошли «Семнадцать мгновений весны», ЦТ повторило демонстрацию снятого ранее фильма «Ошибка резидента». Как-то вечером меня остановила на улице солидная дама и принялась совестить за то, что, «изменив» возвышенному и благородному пастору Шлаггу, я взялся за роль респектабельного изменника Казина. Дебатировать с ней по поводу права актера исполнять полярные роли я не стал, но все же пришлось объяснить, что Казин предшествовал Шлаггу.

— Ростислав Янович, расскажите, пожалуйста, о Ваших последних работах и планах на будущее.

— Недавно на Свердловской киностудии завершились съемки фильма с рабочим названием «Однофамилец» по сценарию Даниила Гранина, где я играю роль академика Лаптева. Вскоре фильм появится на киноэкранах. Мечтаю сыграть Дон Кихота, с волнением готовлюсь к работе над ролью Федора Карамазова в «Братьях Карамазовых», новую инсценировку которой создал режиссер нашего театра П. Хомский.

— Несколько слов о Ваших партнерах в театре и кино.

— У иных актеров бытует мнение, будто, играя на фоне слабых актеров можно максимально выгодно преподнести собственные преимущества. Всем сердцем отвергаю подобную тенденцию. Уверен, что подлинный художник должен стремиться к партнерству с яркими, талантливыми актерами — чтобы можно было чему-то научиться у них, что-то позанимствовать.

Мне в этом плане крупно везло. Достаточно назвать такие имена, как Фаина Раневская, Любовь Орлова. И, конечно, Вера Марецкая. После ее ухода из жизни чувствую себя осиротевшим — я потерял не только блестящего партнера, но и большого друга.

С Раневской играю до сих пор. Мы исполняем с ней стариков Куперов в пьесе В. Дельмара «Дальше тишина». С удовольствием играю с молодыми актерами Г. Тараторкиным и Г. Бортниковым, которых считаю яркими творческими фигурами. И конечно, всегда радуюсь встрече с новым молодым дарованием.

Беседу вел

Сур. АРУТЮНЯН.